

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос = Рус)6-44
В68

Оформление серии *С. Курбатова*

Редактор серии *А. Антонова*

Володарская, Ольга.

В68 Каждый день как последний : [роман] /
Ольга Володарская. — Москва : Эксмо,
2019. — 320 с. — (Большие тайны малень-
ких городов).

ISBN 978-5-04-105334-5

Они все были такими разными... Люди, которых
сделал своими пленниками маньяк, скрывавший лицо.
Путешественник, мать-одиночка, скульптор, мажор,
мошенник, экономист и содержанка — что могло объе-
динять их, кроме уготованной участи? Одного из плен-
ников похититель убил на глазах у других, а у второго
вырезал на теле таинственный символ. Остальных он
тоже приговорил к смерти, но...

Им удалось бежать! Только спасет ли их это? Ма-
ньяк остался на свободе, и планы его не изменились.
Спустя несколько дней он добрался до бывшего пленни-
ка и перерезал ему горло. Теперь их осталось пятеро...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Володарская О., 2019
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-105334-5

Пролог

«В комнате с белым потолком с правом на надежду...»

Строки этой популярной песни «Наутилуса» безостановочно вертелись в голове. Хотя потолок комнаты, в которой он находился, был черным, а надежды выбраться из нее не имелось вовсе.

Он сидел на стуле, ножки которого были прибиты к деревянному полу огромными гвоздями. К ним, ножкам, в форме перевернутых букв «Т», привязаны его нижние конечности. Грубая веревка обвивала лодыжки, впиваясь в кожу. Запястья закинутых за спинку стула рук сцепляли наручники. В таком положении пленник провел очень много времени. Сколько конкретно, он не знал. В комнате с черным потолком не было ни часов, ни окон.

До этого он находился в другой, поменьше, но посветлее. В ней имелось оконце под самой крышей, в которое пробивался свет. Пленник не мог выглянуть на улицу, потому что его держала метровая цепь. Ее длина позволяла ему принимать более-менее удобное положение во время сна и добираться до горшка. Один широкий шаг или два коротких — вот и все, что он мог себе позволить. От окна его отделяло четыре метра.

В этой комнате он провел почти две недели, а если точнее, двенадцать дней. Тот, по чьей злой воле он оказался пленником, трижды заходил к нему. Вносил поднос с едой и водой и менял горшок. Ни лица, ни фигуры узнику рассмотреть не удалось. Человек всегда навещал его ночью, когда в комнате царила кромешная тьма. Визит его длился не более трех минут. Пленник пытался заговорить со своим тюремщиком, спрашивал, кто он, зачем его держит, чего хочет, но тот не удовлетворял его ответом.

Пленник ничегошеньки не понимал. Зачем его похитили и держат на цепи, как собаку? Ладно бы он был богатым человеком и за него можно было бы потребовать выкуп. Но он самый обычный гражданин. Денег за его голову никто не заплатит. В качестве сексуального объекта его тоже никто не собирался использовать. Как и мучить, что делают маньяки в фильмах ужасов.

Но это не успокаивало.

Потому что неизвестность даже хуже смерти.

Когда он оказался в комнате с черным потолком, ему стало по-настоящему страшно. Говорят, не бывает так плохо, чтоб не могло стать еще хуже. Он только теперь понял, насколько точны эти слова. Находясь в помещении со слепым окном, матрасом вместо кровати, горшком взамен унитаза, он думал, что нет места ужаснее. Ан нет. Оно было. И он попал сюда...

Сидя на стуле, недвижимый, воняющий потом и испражнениями, он ждал...

Ждал своего конца, напевая про себя строчку известной песни «Наутилуса».

«В комнате с белым потолком с правом на надежду...»

Часть первая

Глава 1

Он родился в провинциальном городке, население которого составляло двадцать тысяч жителей. Половину из них Паша знал. Не лично, конечно, а в лицо. У него была потрясающая зрительная память. Ему стоило один раз взглянуть на человека, чтобы его внешность отпечаталась в мозгу навеки.

Паша рос пугливым ребенком. Он не ходил в детский сад, с ним сидела прабабушка. Поэтому со сверстниками мальчик общался редко. Только по субботам. Прабабушка (он ее называл баба) пекла в тот день пироги, Паша плохо ел, вот старушка и приглашала соседских мальчишек, чтоб ее внук, глядя на то, как они поглощают ее печево, тоже поел. А еще перестал дичиться других детей. Но Паша, сжевав пару пирогов, уходил к себе в комнату, а когда баба отправляла к нему ребят, забивался в угол с книжкой, делая вид, что читает. На самом же деле он просто не хотел общаться с пацанами, которые приходят к нему лишь потому, что хотят пожрать. Паша знал: они его не любят.

В школу идти он не хотел. В пять лет научившись читать, писать и считать, в семь он решил, что делать ему там нечего. Но пришлось пойти первый раз в первый класс! И поражать учительницу своей техникой чтения и знанием таблицы

умножения. Паша мог перескочить через класс и сразу после первого пойти в третий. Вроде бы здорово! Скорее школу окончишь. Но как сосуществовать с ребятами, которые тебя старше? Он и с ровесниками-то ладил не очень. Пришлось ему целенаправленно занижать себе оценки. Писал диктанты и контрольные на тройки. В итоге — он остался в своем классе.

Баба умерла, когда Паша перешел в третий. Он отправился в школу, а когда вернулся домой, она лежала бездыханная на полу кухни. На плите догорала кастрюля с супом. Пашиным любимым, картофельным. Он не ел нормальные супы, типа борща, щей, солянки. Мясные бульоны тоже были Паше отвратительны. И бабушка варила для него картофельную похлебку с репчатым лучком, морковью и зеленью. Никто, кроме Паши, это вариво есть не мог. Даже баба, росшая в войну. Она говорила, что наелась похлебок в детстве на всю оставшуюся жизнь. Но внуку варила ее в маленькой алюминиевой кастрюльке. Та уже начала пригорать, когда Паша пришел домой и обнаружил бабу мертвой...

После были похороны. Он стоял у гроба, смотрел на заострившееся лицо прабабушки и мысленно взывал к ней... Оживи, оживи! Потому что кроме нее... Хоть и родители есть, а все равно никого... Чужой он им. И только баба его любила, опекала. Отец Паши по командировкам мотался, мать в его отсутствие моталась с подружками по ресторанам (гулящей была, как говорила баба), вот сына на родительницу свекрови и сбагрила. Чтоб не мешал личной жизни.

И вот баба умерла.

Паша вернулся в родительский дом.

Он много плакал первое время. Особенно ночами, когда оставался один. Мать считала его уже достаточно взрослым и оставляла до утра без присмотра. А Паша боялся темноты. Баба знала об этом и включала настольную лампу, а сама ложилась на соседнюю кровать, чтобы мальчик видел, что она рядом. Мать же свет экономила, ругалась, если Паша его по ночам жег, и бросала его постоянно. Отец, когда бывал дома, много пил. Когда один, когда с друзьями, когда с женой. Нет, его родители не были алкоголиками, просто любили повеселиться. Оба никогда не прогуливали работу, не спускали все деньги на водку, прилично выглядели. Но Паша их немного стыдился. Особенно мамы, ярко размалеванной, излишне откровенно одетой, шумной, жеманной. Она отправлялась на родительские собрания в таком виде, в каком посещала кабаки. Потом Паша узнал, что она спуталась с физруком. До отца эта информация тоже дошла, и он подал на развод.

Вскоре мать съехала со своим любовником, и у Паши появился новый «папа». Вообще-то она хотела сына опять сбегать, да не нашлось желающих взять о нем заботу на себя. Отец в разъездах постоянных, свекровь-вдовица на инвалидности, а других бабушек и дедушек у Паши не было — мать давно осиротела. И ей ничего не оставалось, как оставить ребенка при себе.

Поскольку мальчиком он был неспортивным, общего языка с отчимом найти не удалось. Да Паша и не пытался. Он так привык к своему одиночеству, что стал получать от него удовольствие. Особенно он любил бродить по городку и ближайшему лесу. Став чуть постарше, отправляться дальше — в районный центр. Автобусом или электричкой зимой, на велосипеде летом. Паша мечтал

о том, что, когда вырастет, купит машину и объедет на ней всю страну.

Однажды, возвращаясь из районного центра на велосипеде, он угодил под колеса грузовика. Очнулся в больнице. Обе ноги загипсованы, на голове повязка. Врачи говорили, что он легко отделался. Мог бы погибнуть. А что в больнице пришлось два месяца проваляться, а потом еще полгода ходить с костылями — ерунда. Главное, живой.

Паша долго после той аварии приходил в себя не только физически. Еще и морально. У него появился дикий страх перед любимыми видами транспорта. Он шарахался от автобусов, машин, мотоциклов. На велосипед больше не садился. Электричек избегал. И вообще боялся со двора выйти. Только до школы доходил и сразу обратно. С классом он никуда не ездил, ни на экскурсии, ни на туристические слеты. Когда мама отправляла Пашу на молочную кухню (она родила дочь), которая находилась на другом конце города, он чуть не рыдал от ужаса. Каждый поход за молоком был подобен подвигу. Паша преодолевал себя на протяжении всего пути, а придя домой, валился с ног от усталости, потому что не пользовался общественным транспортом, а передвигался пешком.

Будь мать внимательнее к сыну, она поняла бы, что с ним творится неладное. Она же все списывала на переходный возраст и считала, что Паша просто капризничает. Пришлось ему со своими страхами справляться самому. Он помнил, как отец заставлял его вставать на коньки после того, как он упал с них и сильно расшибся. Говорил, страху надо учиться смотреть в лицо. Иначе его не победить...

Паша тогда справился. Ну, почти... Рассекать лед, как раньше, на скорости да змейками, он не

смог себя заставить. Но хотя бы просто катался, не замирая от страха при виде льда.

Со своей новой фобией он боролся дольше. Несколько лет. Начинал с малого — садился в автобус и проезжал одну остановку. Или катил на велике до соседнего дома. В конечном итоге смог побороть панический страх. Но Паша не мог до конца расслабиться, передвигаясь в транспорте. Он смотрел на остальных пассажиров, весьма беспечных, и думал о том, что ему, пожалуй, таким не стать. Легкий холодок всегда будет пробирать его изнутри, а ладони потеть при каждом резком повороте...

После девятого класса Паша пошел учиться в техникум на автослесаря, чтобы поскорее получить права. Если он сядет за руль, страх уйдет быстрее.

Он стал прекрасным водителем. Сдал экзамены с первого раза. И никто так и не узнал, чего ему это стоило. Страх вгрызался в Пашу как гигантский клещ, и требовались невероятные усилия, чтобы ему не поддаться. Он читал, что большая часть скалолазов или парашютистов боится высоты. А забираются на нее, чтобы преодолеть себя. Вот и он так же...

Его забрали в армию сразу после училища. В автотороту. Он полтора года возил генерала и не попал ни в одну аварию. Демобилизовавшись, Паша поступил в институт на заочное отделение и устроился на работу. Конечно же, водителем. А в свободное время он увлекался мотогонками.

После института Паша пошел работать на единственный в городке завод наладчиком. Вскоре стал мастером цеха. Женился на милой девушке, заводской бухгалтерше. У них родилась дочка. Жили неплохо, ездили всей семьей на море. На

машине, как Паша и мечтал. И вроде бы все было хорошо, но... Чего-то ему постоянно не хватало! Свободы, интереса, азарта? Новых впечатлений? Проб и ошибок?

И в тридцать два года Паша в корне изменил свою жизнь. Он уволился с завода и отправился в бессрочное путешествие по Юго-Восточной Азии. Надо сказать, что семью без средств он не оставил. За победы в мотогонках он получал деньги, переводил их в доллары и откладывал на специальный счет. Копил на яхту. Втайне от жены — она не поняла бы. Но когда он решил уехать, обналчил счет и передал средства супруге. Сказал, трать. Если сможешь меня дождаться, хорошо. Нет — я не обижусь. Она плакала, умоляла одуматься. Ходила к бабке, думая, что на мужа кто-то наслал порчу. Та, естественно, это подтвердила. Взяла деньги за снятие. Но Паша не изменил своего решения и все-таки уехал.

Он знал, что это некрасивый поступок. И крайне безответственный. А еще мальчишеский. Не понятый никем, ни женой, ни дочкой, ни матерью, ни сестрой, ни теми людьми, кто его близко знал, ни теми, кто знал шапочно или только слышал о чудике, отказавшемся от семьи, хорошей работы, стабильности и погнавшемся за химерами. И ладно бы творческая личность. Художник, к примеру, как Гоген. Так нет, обычный технарь. Мастер заводской.

Паша и сам нет-нет да ругал себя. Наверное, нужно было продолжать тянуть свою лямку, как все. И, возможно, будь у него душевная близость хоть с кем-то, он так бы и сделал. Но когда умерла баба, никому не удалось «залезть ему под кожу». Даже дочери. А так хотелось, чтоб близкий человек был как часть тебя. Как кровь, по венам бегущая...

Жену он не любил. Она Паше нравилась, и он понимал, что лучшей супруги ему не найти. Вот и отправился с ней в загс. Она почти тут же забеременела и родила. Паша радовался своему отцовству. Особенно тому, что у него дочка. Будет ласковой, игривой, думал он. Но та росла капризной, сердитой и крайне эгоистичной. Не делилась с другими детьми игрушками, устраивала истерики родителям, если ей не покупали требуемое, гнала прочь тех, кто приходил в гости без конфет. Паша хотел бы любить свою девочку лишь за то, что она его кровь и плоть, но... У него не получалось.

Паше иной раз казалось, что он утратил способность любить! То ли после смерти бабы, то ли авария тому виной... Черепно-мозговая травма — вещь коварная, мало ли что повредилось после нее в голове. Это ведь только в народе говорят, что любят сердцем, а на самом деле мозг — главное...

Наверное.

Он пробыл в Азии два месяца. Загорел до черноты, похудел, перестал есть мясо и хлеб, перейдя на рыбу и рис. Ему стали нравиться азиатки, ласковые лемуры с мяукающими голосами. Он многое увидел, чем-то проникся, но решил, что с него хватит, и...

Нет, не вернулся домой, а полетел в Африку. Ему посчастливилось купить копеечный билет до Анголы. Только туда. Паша жил сначала там, потом в Намибии и Конго. Он стал еще чернее и худее. Перестал есть рыбу — она стоила дорого. Питался фруктами, кашами, похлебками. Уже не картофельными, ибо картошку в странах его пребывания не выращивали. Спал с африканками. Иссиня-черными, кудрявыми, сочноротыми, грациоз-

ными при любой комплекции, источающими такой сильный запах, что от него кружилась голова.

Потом Паша перебрался на Балканы. Посетил Албанию, Сербию, Македонию. Там он немного поправился, потому что начал есть и рыбу, и мясо, и вкуснейшую сдобу. А еще выпивать, чего раньше не делал. Траварица, сливовица, пелинковац — все это было крепко, но очень вкусно. И Паша принимал пару стопочек за обедом. А вечером выпивал фужер белого сухого вина. И такое умиротворение наступало, что не хотелось даже секса. Хотя с одной женщиной он все же переспал. Она сдавала ему жилье в горном македонском поселке. Вдова, старше его, но очень привлекательная, смуглая, длинноволосая, с огромными карими глазами, она сама соблазнила Пашу. Они всю ночь занимались любовью, а утром он отправился в обратный путь.

Настала пора вернуться домой!

Родной городок совсем не изменился. Паше казалось, что он из него и не уезжал. Те же рекламные щиты на улицах, те же урны, выщербленные тротуары, лавочки. Те же своры собак — Паша даже узнал пару из них. Тот же сломанный светорфор на главной площади. И тот же долгострой — здание поликлиники. Мэр, которого выбрали аккурат перед Пашиным отъездом, обещал за год возвести строение. Но за то время, что Паша отсутствовал, не прибавилось ни кирпичика.

Он не поехал домой, снял номер люкс в единственной гостинице. Решил отойти от перелета, а уж потом наносить визиты. Сначала матери, затем жене с дочкой. Он никому не звонил. Ни разочка. Да у него и телефона-то не было. Но Паша писал им всем. Не часто, и все же. Отправлял открытки с красивыми видами, на обороте чиркал

несколько строк. Сообщал, что жив, здоров, делится впечатлениями. Жена ему ни разу не ответила. А вот мама прислала одно письмо. Собственно, из-за него он и вернулся. Она сообщила, что перенесла тяжелую операцию, после которой никак не отойдет. За нее даже письмо дочка писала. От себя просила приехать. Поддержать. То, что Паша получил его, было чудом. Он постоянно перемещался, а почта работала не очень исправно.

И вот он в родном городе. В отеле. В самом лучшем номере. В Африке он отлично заработал. Участвовал в джиппингах, которые устраивались в пустыне. Его на свою машину шейх из Эмиратов посадил, с которым Паша случайно познакомился. И так у него дело пошло, что он выигрывал гонку за гонкой. Шейх предлагал ему остаться. Звал к себе на постоянную работу водителем, но Пашу уже манили другие страны и города, и он покинул Эмираты. Благо деньги на дальнейшие путешествия имелись.

Приняв душ, он набрал материн номер. Голос у нее был бодрый. На вопрос о здоровье она ответила в своей привычной грубой манере: «Не пержу, не кашляю». Хорохорится, решил Паша, потом сообщил матери о том, что скоро придет в гости. Та равнодушно сказала: «Приходи». Как будто не сын ей после долгой разлуки собирается визит нанести, а соседка или коллега по работе. Нет, пожалуй, коллегу мать встретила бы с большим радушием.

Паша знал, что у него ненормальные отношения с родителями. Холодные. С отцом он не виделся вовсе. С матерью крайне редко, даже когда они жили на соседних улицах.

По пути он купил фруктов, соков, корочке, витаминов. Раньше-то он всегда с бутылочкой прихо-